

Любимые поэты



НИКОЛАЙ ДОБРОНРАВОВ



Надежда — мой компас земной

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=рус)6-44
Д56

Дизайн серии Анны Якуниной

Добронравов, Николай Николаевич
Д56 Надежда — мой компас земной / Николай
Добронравов. — Москва : Издательство АСТ,
2021. — 224 с. — (Любимые поэты)

ISBN 978-5-17-145079-3

Кто не знает и не любит песни «Русский вальс», «Беловежская пуща», «Как молоды мы были», «Птица счастья», «Я не могу иначе»! Этот ряд можно продолжать бесконечно, и с каждым следующим названием перед глазами людей старшего поколения будут возникать ностальгические картины прошлого, а молодое поколение, не задумываясь, продолжит цитировать дальше, потому что и сегодня стихи и песни Николая Добронравова звучат по радио и телевидению.

Эта книга — сборник стихотворений настоящего народного поэта, искренне рассказавшего в ней и о себе, и о своей стране, выделив важные вехи ее истории.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=рус)6-44

ISBN 978-5-17-145079-3 © Н.Н. Добронравов, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Русский вальс



Время

Времени нечеткий негатив.
Но Пегас по-прежнему ретив.
Люди на свету или впотьмах, —
время проявляется в стихах.

Наши боль, и мужество, и страх, —
время выражается в стихах.
Велика поэтами Россия.
Велика поэтому Россия.

Зачарованная даль

Нас осталось так немного.
Нас еще томит печаль.
Заповедная дорога,
Зачарованная даль...

Здесь до боли все знакомо.
Здесь родные берега.
И ведет дорога к дому
Сквозь невзгоды и века...

У родимого порога
Снова вишни зацветут...
Здесь все лучшее от Бога.
Здесь меня, как Бога, ждут.

Снова музыка воскреснет.
Оживет лесной рояль...
И воскреснет наша песня —
Зачарованная даль.

Дом родной — края лесные.
Путь домой — и свет, и грусть...
Заповедная Россия,
Зачарованная Русь.

Родная сторона

Здесь, как и встарь, — фасады в три окна...

На всех оконцах — ставеньки резные.

А на опушке

ягоды лесные.

Еще жива родная сторона.

Над крышами — сиреневый дымок.

У палисада

юные березы.

А ранним утром так прозрачны росы...

И небосвод по-прежнему высок.

Еще слышны здесь птичьи голоса.

Еще буренка топчется на взгорье.

И кур крадет

из ближнего подворья

из леса забежавшая лиса.

Но сколько здесь уродливых пеньков!

Беспутной жизни множество отметин...

Ручной пилой отрезаны столетья

от нынешних компьютерных годов.

Перевелись и редкие стада.

Стареют и оставшиеся козы.

Разогнаны колхозы и совхозы,

и заплясала в поле лебеда!

Уже подгнили лодки у реки.
В седых сараях притупились косы.
Уже невнятный голос тепловоза
все хуже слышат наши старики.

Не то чтоб нынче бесполезен труд,
а просто здесь
крестьянину не светит...

Рванувшие на заработки дети
уже подарков предкам не несут.

Они в недалеком городе живут.
Претит им быт бессмысленный и древний...

Они все точно знают про деревню:
Там не везет!

И внуков не везут.
... Но есть один оставшийся родник
в лесу.

В глуши.

И все ему нейдет.
Он, словно сердце слабенькое, бьется,
он к факту вырождения не привык.

Земля людей оттуда не видна.
Он просто дышит воздухом и волей.
Он хочет к свету вырваться —
не боле...

Еще жива родная сторона?

Меж Арбатом и Тверской

Путь земной мой только начат.
Жизнь пока что налегке.
От площадки от Собачьей
жили мы невдалеке.

Двор наш узок был и гулок.
Подворотен волшебство.
Трубниковский переулок —
гавань детства моего.

В той эпохе домыслимой,
в страшный год тридцать восьмой
возле лавки керосиновой
я стоял на Поварской.

И с наполненным бидончиком
я домой к себе бежал,
в кухню, к примусу с поддончиком,
в свой родной полуподвал.
Рядом был Союз писателей,
тут он был, на Поварской.
И тогда уже не ладили
гении между собой.

Молодые все, да ранние...
Был Корней еще не стар.

И просящий подаяния
чуть подвыпивший Гайдар.

А когда бежал из школы,
как всегда — к себе в подвал,
дядю Степу Михалкова
на углу я повстречал.

И чуть-чуть уже кумекая,
пристрастившийся читать,
прибегал в библиотеку я
с другом
книги выбирать.

Мы любимся обложками.
Постигаем Имена.
Всех путевыми дорожками
нас вела Читай-страна.

После школы были вузы.
Даже два. Театр. Эфир.
Я в юнцах на сцене ТЮЗа
был хорош вполне и мил...

Много ль надо человеку,
что в те годы возникал?
Я свою библиотеку
по крупичам собирал.

С детства рифмой звонкой ранен,
собирал не все подряд.
Блок, Крученых, Северянин
до сих пор в шкафу стоят.

И все чаще в эту пору
те стихи я вспоминал,
что в трамваях, в коридорах
между делом сочинял.
Но в начале литработы
стал я сразу понимать:
стих — забава.

Надо что-то
посерьезней сочинять.

К нашей пьесе самой первой
долго шли с Сережей мы.
Наконец, сбылась премьера
с режиссером Деммени.

Это было в Ленинграде.
А в Москве

уже потом
стали пьесы наши ставить
в каждом клубе городском.

Я к писательству де юре
был тогда еще в пути.

Был тогда в литературе,
как в театре — травести.

Правда, книги издавались —
проза, сказки для детей.
А стихи... Те оставались
страстью тайною моей.

Ах, тогда, в шестидесятых,
моден был нелегкий труд.
Сколько фильмов было снято
тех, что до сих пор живут.

Сколько песен было спето
тех, что в сердце мы храним.
Был лучом любви и света
ослепительный Муслим!

Я как будто бы очнулся.
Мир открылся мне иной...
Робко к песне прикоснулся,
к песне детской, озорной.

Оказался не статистом
я на песенной стезе.
Стал поэтом и артистом
я в те годы в ДЗЗе¹.

¹ Дом звукозаписи. — *Примеч. авт.*

Появлялся в альманахах...
Первый сборник... И второй...
Стал входить почти без страха
я в СП на Поварской.

На судьбу свою не сетовал,
среди великих — не изгой.
Как внимательно беседовал
Юрий Трифонов со мной!

Здесь встречался я с элитой.
И меня без лишних слов
привечали знаменитые
Смеяков, Гамзатов, Львов!

Ах, с годами все отчетливей
свет и тени прошлых лет!

Громы-звоны не умолкли
поражений и побед.

Пусть за дальними широтами
необъятная земля,
за Никитскими воротами
состоялась жизнь моя.

Пусть изъезжено немало,
но они навек со мной —